

ОПЫТЪ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ ГРАМОТЪ КОЗАКОВЪ ВЪ ГОРОДѢ УРАЛЬСКѢ.

Считая рѣшеннымъ вопросъ о пользѣ грамотности въ войскахъ и народѣ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе должно произвести распространеніе грамотности у насъ, въ Уральскомъ козачьемъ войскѣ.

У насъ, съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ учили и учать дѣтей у мастеровъ и мастерицъ церковной грамотѣ, именно, требовалось и обыкновенно достигалось знаніе наизусть псалтыря и разныхъ каноновъ; въ этомъ и состоялъ весь курсъ обученія; если прибавить не безъосновательную иногда похвалу отъ кого нибудь, что дѣвушка *поетъ по сольмъ*, то это была такая роскошь, что не-всегда и вѣрилось ей. Этому учили охотно и, можно сказать, съ благоговѣйнымъ желаніемъ и ревностію, потому что потребность въ такой грамотности обусловливается глубоко вкоренившимися старообрядческими понятіями народонаселенія. Дѣйствительно, грамотность (число читающихъ), сравнительно съ населеніемъ, у насъ довольно велика (въ 1856 году было грамотныхъ 14%).

Учить гражданской грамотѣ вовсе не было въ обычаѣ, и этотъ обычай такъ крѣпко соблюдался даже до послѣдняго поколѣнія, что даже и теперь всѣ молодые офицеры въ войскѣ, по-

лучившіе образованіе въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начали дома съ церковной грамоты.

Писать учили только мальчиковъ и почти исключительно тѣхъ, которыхъ прочли въ писаря, званіе, которое при малой грамотности было и почетно, и прибыльно.

Гражданскія книги считались не столько пустыми и бесполезными, сколько богопротивными. Такія понятія поддерживались въ народѣ мастерами и мастерицами, этими ревнителями и блюстителями старой вѣры.

Распространеніе грамотности въ войскѣ, кромѣ развитія умственныхъ способностей и кромѣ практической пользы ея въ служебной и частной жизни козаковъ, есть начало просвѣщенія и роднаго и средство къ разсѣянію суевѣрія и искорененію тѣхъ особенно вредныхъ изъ козачьихъ понятій, которыя такъ глубоко врѣзались въ нашу жизнь и срослись съ уставами и обрядами религіи. Необходимо дѣйствовать одновременно, какъ на эти понятія, такъ и на суевѣріе. Здѣсь не мѣсто говорить о мѣрахъ нашего новаго войсковаго начальства въ отношеніи религіозномъ, — мѣрахъ, вводимыхъ съ такимъ умомъ и человѣчностью, что трудно и пожелать чего нибудь большаго въ этомъ случаѣ. Съ другой стороны, заводимыя въ войскѣ многочисленныя школы сдѣлаютъ свое.

Не легко уничтожить народное предубѣжденіе противъ грамотности и осязательно ясно показать пользу ея.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о методѣ, употребляемой у насъ при обученіи козаковъ грамотѣ, которая все-таки есть основа къ нравственному перевоспитанію.

Тѣмъ лучше метода обученія грамотѣ, чѣмъ скорѣе выучиваются ей помимо *процесса чтенія* (Петрушка Гоголя). Въ этомъ отношеніи и синтетическая и аналитическая (возобновленная въ послѣднее время Золотовымъ) методы одинаково важны и полезны, потому что весь успѣхъ той и другой зависитъ отъ умѣнья примѣнить методу къ дѣлу. Но аналитическая метода труднѣе для памяти, именно, памяти глазъ, которая требуется для усвоенія очерковъ задаваемыхъ словъ, потомъ ихъ слоговъ и наконецъ самыхъ буквъ.

Козаки смыслены, умны отъ природы и сильны опытомъ и наглядностію: слѣдовательно, съ ними особенно тѣмъ лучше, чѣмъ логичнѣе метода преподаванія. Эта логичность заключается, по нашему, въ томъ, чтобы слѣдовать указанію природы и

начать съ изображенія тѣхъ простыхъ звуковъ, которыми подаетъ человѣкъ голосъ въ первый же моментъ появленія своего на свѣтъ, и которые служатъ ему послѣ основаніемъ въ вещественномъ образованіи слова, какъ служили до этого основаніемъ въ понятіи о предметахъ самыя простыя безсвязныя представленія ихъ въ умѣ. Какъ ученикъ ни раскроетъ ротъ, чтобъ закричать, онъ непремѣнно произнесетъ: *о, а, е (ё), и, у, я, ю, ы*, звуки эти знакомы давно, а когда начнетъ онъ разныя эволюціи ртомъ, тогда дѣйствительно убѣдится, что другими звуками не закричитъ; слѣдовательно, и нужно прежде всего познакомить его съ тѣми знаками, которыми выражаются эти звуки на письмѣ.

Книжной грамотности, до изобрѣтенія письма, не могло быть, и изобрѣтеніе письма началось съ того, что стали прежде писать, а потомъ читать написанное; слѣдовательно и учить надобно съ письма, а не съ чтенія, и только съумѣть поставитъ ученика въ положеніе изобрѣтающаго письмо: въ этомъ состоитъ весь секретъ, логичность, интересъ и успѣхъ методы. Интересъ ея въ безпрестанномъ практическомъ примѣненіи изучаемыхъ буквъ, а успѣхъ въ большой экономіи времени, потому что въ самый короткій срокъ обученія письму, ученики, съ тѣмъ вмѣстѣ, непременно выучиваются и читать, а для перехода отъ письменныхъ буквъ къ печатнымъ требуется послѣ, какъ показалъ опытъ, одинъ только классъ.

Вотъ, какъ производился первый опытъ обученія козаковъ грамотѣ въ городѣ Уральскѣ. Сначала ихъ было только 12, нѣкоторые изъ городоваго полка, другіе изъ пожарной команды. Началъ съ ними офицеръ, у котораго это дѣло было между прочимъ, то есть при другихъ обязанностяхъ, и который по этому занимался съ козаками *только по утрамъ въ одинъ классъ на часъ времени, иногда меньше и никогда больше*. Притомъ, козаки живутъ постоянно въ своихъ домахъ, при семействахъ, служебныхъ обязанностяхъ и хозяйствѣ, и потому не было возможности слѣдить за ними, какъ занимались они и занимались ли еще всѣ внѣ класса. Сверхъ того, въ Уральскомъ войскѣ пѣхотинцевъ-козаковъ нѣтъ. Дѣло шло такъ:

Сначала условились мы выразить тѣ коренныя члено-раздѣльные звуки, которыми выражается хотъ крикъ (козаки охотники и мастера кричать). Ученики уже знаютъ, что иначе и не закричишь, какъ на *а, о, е, и, ы, у, ю, я*. Знаки эти одинъ по одному

были написаны на классной доскѣ, копировались каждымъ ученикомъ на аспидной доскѣ и названы *буквами*. Въ одинъ классъ ученики чертили уже эти буквы, узнали, что эти буквы *голосовыя* (гласныя), узнали, которыя изъ нихъ выражаютъ твердые звуки и какія мягкіе; узнали, что если отвѣтить на чей-нибудь вопросъ словомъ *я*, то этотъ значекъ и нужно только поставить; узнали употребленіе этихъ значковъ, какъ выраженіе самыхъ простыхъ междометій, и сами составили подъ диктовку слово *ау*, которымъ перекликаются въ лѣсу, да тутъ же кстати узнали, какъ написать слова *ай, ей, ой* (кромѣ практическаго примѣненія, эти слова сказаны были и написаны для того, чтобы при этомъ удобномъ случаѣ познакомить учениковъ съ придыхательнымъ звукомъ, выражаемымъ *й*, разумѣется, умалчивая объ этомъ эпитетѣ его). Главное, какъ сказано уже выше, чтобъ на каждую изъ этихъ и послѣдующихъ буквъ дѣлался непременно, тотчасъ же, примѣръ на письмѣ, — практика живое примѣненіе условнаго знака къ дѣлу.

Въ слѣдующій классъ пошло дѣло о буквахъ безголосныхъ (согласныхъ). Приступъ къ нимъ не труденъ. На каждомъ почти словѣ можно указать, что прежде, чѣмъ издается одинъ изъ извѣстныхъ уже ученикамъ звуковъ, выражаемыхъ голосовыми буквами, слышны другіе звуки, на примѣръ, въ словѣ *козакъ* и другихъ, — такихъ звуковъ много; нужно и для нихъ придумать знаки. Во всемъ процессѣ первоначальнаго обученія грамотѣ за поминаніе безголосныхъ буквъ казалось бы самымъ труднымъ; но это было справедливо только относительно голосовыхъ, потому что съ ними познакомились ученики въ одинъ классъ, а съ тѣми—въ пять классовъ, употребляя уже ихъ въ дѣло въ словахъ одно, двухъ и даже трехъ-сложныхъ, въ которыхъ не было бы только по нѣскольку буквъ безголосныхъ вмѣстѣ. Такъ какъ безъ практики на письмѣ (не нужно забывать, что тутъ же идетъ и чтеніе) ни одна буква не должна быть показываема, то напередъ нужно познакомить учениковъ съ тѣми безголосными, которыя употребляются въ словахъ немногосложныхъ и имъ весьма знакомыхъ: *баба, бабы, бабу, бобы, бог, рыба, будара, базар, дуга, козак, атаман* и т. п., и азбучному порядку буквъ вопреки необходимости слѣдовать. На примѣръ, слово *баба*. Тутъ два аза слышна извѣстная намъ буква *а*, которую и напишемъ на доскѣ два раза (съ промежуткомъ на одну букву); предъ каждымъ *а* слышенъ звукъ *б*, который изобразимъ знакомъ *б*. На-

зывать его *б* не удобно, потому что не ловко выговаривать; а не ловко выговаривать потому, что у этой буквы нѣтъ своего голоса, а бываетъ онъ только тогда, когда подставимъ къ ней одну изъ голосовыхъ, и какую подставимъ, по той и читается безголосная буква; такъ на примѣръ, если подставимъ *а*, будетъ *ба*, если *о* — будетъ *бо*, если *ы* — будетъ *бы* и т. п., какъ видѣли изъ вышеприведенныхъ словъ. И такъ, чтобы назвать эту безголосную букву, надобно дать ей голосъ, все равно — какой бы ни былъ: *ба*, *бе*, *би*, *бо*, и т. д., мы дали ей голосъ на *е* и по нему называли ее *бе*. Такимъ образомъ переходить къ другимъ безголоснымъ буквамъ, и отъ диктовки словъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ (надо постараться дать ученику поскорѣе дойти до того, чтобы онъ самъ написалъ свое имя и фамилію — это очень радуетъ его). Въ восьмой классъ козаки писали уже: *Наказный Атаман наш Аркадій Дмитріевич Столытин, Корпусный Командир Александр Андреевич Катенин; терпи козак на льто атаман будеш*, и не трудныя изъ ихъ именъ и фамилій, — и писали сами подъ диктовку (разумѣется, медленно, буква по буквѣ, а о каллиграфіи и рѣчи не могло быть). Въ девятый классъ они узнали разницу въ окончаніи словъ: Императоръ, Командиръ и Государь, Царь — то есть, о знакахъ твердаго и мягкаго окончанія, еще неизвѣстныхъ имъ дотолѣ.

Во второмъ № «Военнаго Сборника» 1858 года, въ статьѣ «Объ устройствѣ школъ для распространенія грамотности въ войскахъ» сказано: «непремѣнно надо, чтобы люди начинали писать прямо на бумагѣ перомъ: писаніе на аспидной доскѣ или палочкой на пескѣ, чрезвычайно портить руку, и что переходъ, послѣ сего, къ письму на бумагѣ бываетъ затруднителенъ и требуетъ объясненій вновь».

Можетъ быть это такъ, если имѣется въ виду выучить каллиграфическому искусству, но и въ томъ сомнѣваемся. Если къ рисованію кистью ведетъ рисованіе на доскѣ грифелемъ и мѣломъ, на бумагѣ карандашемъ, то переходъ отъ грифеля къ письму перомъ не представляетъ большихъ неудобствъ.

Испытавъ начало письма грифелемъ на аспидной доскѣ, мы не встрѣтили никакого затрудненія при переходѣ къ письму на бумагѣ; напротивъ, у насъ на третій же классъ начали писать довольно порядочно прописи.

Стоитъ только при этомъ переходѣ объяснить, какъ держать перо и какъ водить имъ, гдѣ придавливать и гдѣ отпускать. По

этому считаемъ начало письма грифелемъ на аспидной доскѣ совершенно удобнымъ, и того мнѣнія, что первоначальный приемъ письма перомъ на бумагѣ и сложенъ и неудобенъ въ смыслѣ практическомъ, экономическомъ (нѣтъ безвременной траты бумаги, перьевъ, чернилъ, карандаша) и даже эстетическомъ (нѣтъ пачкати чернилами, неразлучной съ первоначальнымъ письмомъ им).

Что же касается чтенія по книгѣ, то козаки, какъ сказано выше, въ одинъ классъ познакомились съ печатными буквами.

Какъ только начали козаки мало-мальски свободно разбирать слова, то требовались ихъ объясненія; далѣе читалъ учитель понятные рассказы и спрашивалъ учениковъ, что заключается въ прочитанномъ (козаки понимали и рассказывали прочитанное довольно свободно); наконецъ самимъ ученикамъ давали прочитывать коротенькіе и простые военные анекдоты и рассказы, и заставляли ихъ рассказывать. При этомъ оказывалось, что ученики затруднялись рассказывать прочитанное, оттого только, что силлись говорить такъ, какъ написано въ книгѣ, но какъ только внушали имъ, чтобы они рассказывали какъ умѣютъ, представляя себѣ, что говорятъ не учителю, а своему товарищу, они стали рассказывать и свободно, и оживленно. При этомъ иной, рассказывая и понятное имъ, иногда теряется; въ такомъ случаѣ нужно непременно вопросами наводить его на мысль. Потомъ надобно заставлять писать рассказанное. Достигнутое теперь уже принесетъ благопріятные плоды, стоитъ только умѣть выбирать статьи для чтенія и письма подъ диктовку.

Перейдемъ къ ариметикѣ.

Когда ученики начали писать подъ диктовку слова и несложныя фразы, тогда опредѣленъ былъ одинъ классъ для письма и чтенія, другой—для ариметики, по—очередно.

Обученіе ариметикѣ началось со счетовъ. Положили предъ каждымъ поперегъ счеты такъ, чтобы проволоочки съ копѣйками были къ правой рукѣ ученика, а высшія единицы къ лѣвой. Одинъ козакъ умѣлъ класть на счетахъ, а прочіе нѣтъ; но въ одинъ классъ выучились всѣ класть до тысячъ и выговаривать, что положено, а главное они наглядно поняли образованіе изъ копѣекъ — гривень, изъ гривень — рублей, изъ рублей—десятковъ рублей и т. д., то есть, образованіе изъ единицъ — десятковъ, изъ десятковъ—сотень, изъ сотень—тысячъ; поняли, что

идь нтъ въ порядкъ числа, тамъ остается проволочка пустою; да тутъ же слегка поняли сложеніе съ вычитаніемъ на счетахъ. На слѣдующій классъ показали имъ, какъ пишутся цифры—всѣ 9 знаковъ. На послѣдующій классъ сказали имъ, что написать какое нибудь число, это значитъ просто перевести со счетовъ на доску число положенныхъ косточекъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ положены тамъ, выговаривать ихъ такъ, какъ считались онѣ на счетахъ, а *идь пустая проволочка, тамъ нуль*. Этимъ самымъ простымъ и практическимъ способомъ устраняются всѣ страшныя, когда-то насъ мучившія въ школахъ затрудненія при несчастномъ изученіи нумераціи; точно также устраняется и тотъ камень преткновенія, о которомъ говорится въ той же статьѣ «Объ устройствѣ школъ для распространенія грамотности въ войскахъ». Послѣ этого нѣсколько классовъ было посвящено на упражненіе несложными практическими задачами въ счисленіи, сложеніи и вычитаніи на счетахъ и на письмѣ. Переходъ отъ этихъ дѣйствій къ умноженію и дѣленію извѣстенъ.

Теперь (по 17-е февраля, по масляную) козаки знаютъ таблицу умноженія (это труднѣе всего изъ пройденнаго курса и, признаемся, мы не знали, какъ облегчить твердое изученіе таблицы), дѣлаютъ изрядно умноженіе не далѣе ста тысячъ, хотя большее число цифръ не составляетъ уже затрудненія, и приступили къ дѣленію.

Главное—безпрестанная практика учениковъ задачами при обученіи, какъ письму буквъ, такъ и ариметикѣ. Вотъ нашъ опытъ.

Ученье началось съ половины ноября 1858 года, а въ половинѣ февраля 1859 года козаки, начавшіе ученіе и другіе, поступившіе послѣ нихъ въ разное время, всего до 25 человекъ, свободно писали подъ диктовку, читали свободно писанное и печатное, понимая живо и сознательно каждое слово и рассказывая прочитанное своими словами; выучились считать на счетахъ, и дѣлали на письмѣ умноженіе. Изъ этого времени обученія исключите: праздничные и табельные дни, еще семь дней, когда офицеръ не могъ вовсе заниматься съ козаками,—недѣлю, на которую они уволены были въ видѣ поощренія, на багренье, да семнадцать дней, съ 23-го декабря по 9-е января включительно, какъ время святочное, и выйдетъ всего два съ половиною мѣсяца. Можетъ показаться невѣроятнымъ такой результатъ

нашего опыта; но опъ, какъ фактъ, свидѣтельствуется главнымъ войсковымъ начальствомъ.

Этотъ опытъ показалъ уже, что ученики понимаютъ практическую пользу ученья, они увѣрились въ примѣнимости его къ дѣлу; они сознаютъ, на чтѣ оно будетъ имъ годно въ жизни, и еще важно то, что они видятъ это ученье вовсе не такъ труднымъ, какъ оно представлялось имъ прежде, и какъ видѣли они на нѣкоторыхъ изъ братій своихъ, а нѣкоторые даже и на дѣтяхъ своихъ.

Доказывать при самомъ началѣ ученья пользу его очень трудно, почти невозможно.

При самомъ началѣ, какъ только собрались козаки учиться, имъ сказали о необходимости и пользѣ ученья только одно: «Для того, чтобы человекъ трудился въ потѣ лица своего, Богъ далъ ему не однѣ силы тѣлесныя, руки и ноги; умъ важнѣе ихъ, потому что дуракъ и дуги не согнетъ, а умнаго и медвѣдь слушается: такъ надобно, чтобы и умъ работалъ, а чтобы работалъ умъ хорошо, надобно учить его. Ваши руки учились разнымъ козачьимъ мастерствамъ, а уму нужна грамота, какъ слѣпцу свѣтъ. Коль не выучишь руки работѣ, труду, будешь ни къ чему несручнымъ и жалкой тварью; будешь бѣдствовать самъ и грѣшить предъ Богомъ; также точно необходимо заботиться объ обученіи ума, чтобы душа не завидовала тѣлу». Потомъ, напомнивъ имъ о бывающихъ иногда со стороны козаковъ претензіяхъ на начальниковъ, да которые иногда били ихъ самихъ, если претензіи оказывались несправедливыми, или же въ противномъ случаѣ, наказывали ихъ начальниковъ, — сказали, что еслибы козаки были грамотны, то знали бы все, что имъ слѣдуетъ получать, чтѣ получили и то, чтѣ осталось получить; все было бы записано въ книжкѣ у каждаго, все во время получено, и претензій никакихъ не было бы. Послѣдній аргументъ на нихъ сильно подействовалъ.

Теперь они уже начинаютъ ясно понимать пользу грамотности даже и той степени, до которой ихъ довели пока. Теперь можно доказывать имъ, что, читая книги, понимая прочитанное, человекъ приобретаетъ новыя познанія и свѣдѣнія, о которыхъ онъ нисколько бы не зналъ, еслибъ не выучился грамотѣ; словомъ, теперь будетъ открываться предъ ними совершенно новый міръ.

Это первый отдѣлъ обученія грамотѣ. За нимъ уже не трудно будетъ приступить къ нравственному перевоспитанію козаковъ, если обязанности службы поставятъ воспитателя въ постоянныя, непрерывныя сообщенія съ ними; но козачья служба не такова: нынче въ Уральскѣ, завтра въ линейной на одномъ форпостѣ, послѣ завтра на другомъ, тамъ въ степи, въ Москвѣ, въ Казани, въ компаніяхъ, и т. д., и все съ переменнымъ начальствомъ. Впрочемъ, все стараніе будетъ приложено, чтобы по совершенномъ окончаніи перваго отдѣла обученія успѣть что нибудь въ ознакомленіи учениковъ съ событіями исторіи отечественной и Священной, съ географіей и отчасти естественными науками, давая имъ читать статьи по части этихъ наукъ, или также повѣсти, рассказы, анекдоты, въ которыхъ прославляются подвиги чести, доблести, изобрѣтательности ума, челоуѣколюбія и проч. Надобно все прочитываемое, не ограничиваясь яснымъ объясненіемъ онаго, примѣнять къ ихъ общественной и частной жизни, приписывать событія, факты изъ этой жизни, соотвѣтствующіе событіямъ и фактамъ историческимъ; въ параллель прочитаннымъ подвигамъ, ставить случаи и поступки, бывшіе или могущіе встрѣтиться въ жизни козака, не забывая даже и поступковъ ихъ въ классѣ; описанія мѣстности различныхъ странъ объяснить и сравнивать съ мѣстностію Уральскаго войска, и т. п.

Разумѣется, всѣ эти науки должны быть въ тѣснѣйшей связи между собою, изъ совершеннаго сліянія ихъ между собою должно составляться по возможности полное знаніе, и чтобы это знаніе имѣло прочность и силу, надобно, чтобы оно имѣло непрерывное соотношеніе съ дѣйствительною жизнью.

Еще болѣе, разумѣется, достиженіе конечной и святѣйшей цѣли всѣхъ знаній, вселеніе чувствъ истины и преданности къ своему долгу, вполне зависитъ отъ преподавателя; если въ немъ самомъ они сильны, если онъ дѣйствуетъ во имя ихъ и этимъ сумѣетъ приобрести нравственное вліяніе на учащихся, сумѣетъ приобрести ихъ любовь и уваженіе, то тогда только труды его принесутъ желаемые плоды; онъ дастъ должное направленіе уму, волѣ и чувствамъ учениковъ. Нельзя допустить мысли, чтобы въ челоуѣкѣ, получающемъ отъ самой природы склонность къ добру, не совершилось таковое направленіе. Скажу въ частности про козаковъ. Между ними, особенно молодыми, нѣтъ натуръ испорченныхъ; они имѣютъ и голосъ совѣсти и чувства добродѣтели; но они шатки въ понятіяхъ о долгѣ, обязанностяхъ, о

дѣлахъ правды и чести, только оттого, что не обращались къ нимъ съ вызовомъ на эти чувства, которыя глохли у нихъ въ обыденной, бездѣльной, апатичной жизни, и въ этомъ много были грѣшны и словомъ и дѣломъ ихъ начальники. Но въ настоящее время уповаемъ на Бога и благодатное время наше, что добрая и умная натура козака выкажетъ свои добрыя начала.

А. ЧЕВОТАРЕВЪ.
